

СВЯТОЧНЫЕ
РАССКАЗЫ
РУССКИХ
КЛАССИКОВ

СВЯТОЧНЫЕ
РАССКАЗЫ
РУССКИХ
КЛАССИКОВ

Александр Васильевич Круглов

Иван Алексеевич Бунин

Леонид Николаевич Андреев

Софья Марковна Макарова

**Александр Александрович Федоров-
Давыдов**

Надежда Александровна Лухманова

Дмитрий Васильевич Григорович

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Евгений Николаевич Поселянин

Саша Чёрный

Василий Васильевич Розанов

Георгий Тихонович Северцов-Полилов

Лидия Алексеевна Чарская

Алексей Николаевич Толстой

Иван Сергеевич Шмелев

Игнатий Николаевич Потапенко

Александр Иванович Куприн

Василий Акимович Никифоров-Волгин

Наталья Ивановна Манасеина

Клавдия Владимировна Лукашевич

Валентина Евстафиева
Рождественская шкатулка.
Святочные рассказы
русских классиков

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69767188

Рождественская шкатулка. Святочные рассказы русских классиков:

Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-193072-1

Аннотация

Рождественская литература в России соединяет в себе традиционное христианство и народный фольклор.

Святочные рассказы русских писателей: Алексея Куприна, Ивана Бунина, Аркадия Аверченко, Алексея Толстого и других, читаются уже многими поколениями и создадут настроение уюта домашнего очага, тепла человеческих отношений и рождественских чудес.

Празднуя Рождество Христово, мы славим Боговоплощение и самого Спасителя. В нашей культуре укоренились традиции, связанные с рождественскими днями: елка – символ вечной жизни, которую даровал нам Христос, особая трапеза после длительного поста, посещение близких людей, дарение подарков

(в воспоминание о дарах, принесенных волхвами младенцу Христу), проявление милосердия и помощь нуждающимся.

Святочные истории призывают нас к любви и милосердию, к тому, что, если каждый поделится частичкой своего душевного тепла с другими, тогда может произойти рождественское чудо.

Содержание

А. И. Куприн. Бедный принц	7
1	7
2	11
3	13
4	16
А. Фёдоров-Давыдов. Хаврошина ёлка	20
1	20
2	22
3	24
4	26
В. В. Розанов. С Рождеством Христовым!	28
В. А. Никифоров-Волгин. Серебряная метель	35
И. С. Шмелёв. Рождество	42
К. В. Лукашевич. Рождественский праздник	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сборник
Рождественская шкатулка.
Святочные рассказы
русских классиков

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

А. И. Куприн. Бедный принц

1

«Замечательно умно! – думает сердито девятилетний Даня Иевлев, лёжа животом на шкуре белого медведя и постукивая каблуком о каблук поднятых кверху ног. – Замечательно! Только большие и могут быть такими притворщиками. Сами заперли меня в тёмную гостиную, а сами развлекаются тем, что увешивают ёлку. А от меня требуют, чтобы я делал вид, будто ни о чём не догадываюсь. Вот они какие – взрослые!»

На улице горит газовый фонарь, и золотит морозные разводы на стеклах, и, скользя сквозь листья латаний и фикусов, стелет лёгкий золотистый узор на полу. Слабо блестит в полутьме изогнутый бок рояля.

«Да и что весёлого, по правде сказать, в этой ёлке? – продолжает размышлять Даня. – Ну, придут знакомые мальчики и девочки и будут притворяться, в угоду большому, умным и воспитанным детьми... За каждым гувернантка или какая-нибудь старенькая тётя... Заставят говорить все время по-английски... Затеют какую-нибудь прескучную игру, в которой непременно нужно называть имена зверей, растений или городов, а взрослые будут вмешиваться и поправ-

лять маленьких. Велят ходить цепью вокруг ёлки и что-нибудь петь и для чего-то хлопать в ладоши; потом все усядутся под ёлкой, и дядя Ника прочитает вслух ненатуральным, актёрским, «давящим», как говорит Сонина няня, голосом рассказ о бедном мальчике, который замерзает на улице, глядя на роскошную ёлку богача. А потом подарят готовальню, глобус и детскую книжку с картинками... А коньков или лыж уж наверно не подарят... И пошлют спать.

Нет, ничего не понимают эти взрослые... Вот и папа... он самый главный человек в городе, конечно, самый учёный... недаром его называют городской головой... Но и он мало чего понимает. Он до сих пор думает, что Даня маленький ребёнок, а как бы он удивился, узнав, что Даня давным-давно уже решил стать знаменитым авиатором и открыть оба полюса. У него уже и план летающего корабля готов, нужно только достать где-нибудь гибкую стальную полосу, резиновый шнур и большой, больше дома, шёлковый зонтик. Именно на таком аэроплане Даня чудесно летает по ночам во сне».

Мальчик лениво встал с медведя, подошёл, волоча ноги, к окну, подышал на фантастические морозные леса из пальм, потёр рукавом стекло. Он худощавый, но стройный и крепкий ребёнок. На нём коричневая из рубчатого бархата курточка, такие же штанишки по колено, чёрные гетры и толстые штиблеты на шнурках, отложной крахмальный воротник и белый галстук.

Светлые, короткие и мягкие волосы расчёсаны, как у

взрослого, английским прямым пробором. Но его милое лицо мучительно бледно, и это происходит от недостатка воздуха: чуть ветер немного посильнее или мороз больше шести градусов, Даню не выпускают гулять. А если и поведут на улицу, то полчаса перед этим укутывают: гамаши, меховые ботики, тёплый оренбургский платок на грудь, шапка с наушниками, башлычок, пальто на гагачьем пуху, беличьи перчатки, муфта... опротивеет и гулянье! И непременно ведёт его за руку, точно маленького, длинная мисс Дженерс со своим красным висячим носом, поджатым прыщавым ртом и рыбьими глазами. А в это время летят вдоль тротуара на одном деревянном коньке весёлые, краснощёкие, с потными счастливыми лицами, уличные мальчишки, или катают друг друга на салазках, или, отломив от водосточной трубы сосульку, сочно, с хрустением жуют её. Боже мой! Хотя бы раз в жизни попробовать сосульку. Должно быть, изумительный вкус. Но разве это возможно! «Ах, простуда! Ах, дифтерит! Ах, микроб! Ах, гадость!»

«Ох, уж эти мне женщины! – вздыхает Даня, серьёзно повторяя любимое отцовское восклицание. – Весь дом полон женщинами – тётя Катя, тётя Лиза, тётя Нина, мама, англичанка... Женщины, ведь это те же девчонки, только старые... Ахают, суется, любят целоваться, всего пугаются – мышей, простуды, собак, микробов... И Даню тоже считают точно за девочку... Это его-то! Предводителя команчей, капитана пиратского судна, а теперь знаменитого авиатора и великого

путешественника! Нет! Вот назло возьму, насушу сухарей, отолю в пузырьёк папиного вина, скоплю три рубля и убегу тайком юнгой на парусное судно. Денег легко собрать. У Дани всегда есть карманные деньги, предназначенные на дела уличной благотворительности».

Нет, нет, всё это мечты, одни мечты... С большими ничего не поделаешь, а с женщинами тем более. Сейчас же схватятся и отнимут. Вот нянька говорит часто: «Ты наш принц». И правда, Даня, когда был маленький, думал, что он – волшебный принц, а теперь вырос и знает, что он бедный, несчастный принц, заколдованный жить в скучном и богатом царстве.

Окно выходит в соседний двор. Станный, необычный огонь, который колеблется в воздухе из стороны в сторону, поднимается и опускается, исчезает на секунду и опять показывается, вдруг остро привлекает внимание Дани. Продышав ртом на стекле дыру побольше, он принаикает к ней глазами, закрывшись ладонью, как щитом, от света фонаря. Теперь на белом фоне свежего, только что выпавшего снега он ясно различает небольшую, тесно сгрудившуюся кучку ребят-тишек. Над ними на высокой палке, которой не видно в темноте, раскачивается, точно плавает в воздухе, огромная разноцветная бумажная звезда, освещённая изнутри каким-то скрытым огнём.

Даня хорошо знает, что всё это – детвора из соседнего бедного и старого дома, «уличные мальчишки» и «дурные дети», как их называют взрослые: сыновья сапожников, дворников и прачек. Но Данино сердце холодеет от зависти, восторга и любопытства. От няньки он слышал о местном древнем южном обычае: под Рождество дети в складчину устраивают звезду и вертеп, ходят с ними по домам – знакомым и незнакомым, – поют колядки и рождественские кантики и получают за это в виде вознаграждения ветчину, колбасу, пироги и всякую медную монету.

Безумно смелая мысль мелькает в голове Дани, – настоль-

ко смелая, что он на минуту даже прикусывает нижнюю губу, делает большие, испуганные глаза и съёживается. Но разве в самом деле он не авиатор и не полярный путешественник? Ведь рано или поздно придётся же откровенно сказать отцу: «Ты, папа, не волнуйся, пожалуйста, а я сегодня отправлюсь на своём аэроплане через океан». Сравнительно с такими страшными словами, одеться потихоньку и выбежать на улицу – сущие пустяки. Лишь бы только, на его счастье, старый толстый швейцар не торчал в передней, а сидел бы у себя в каморке под лестницей.

Пальто и шапку он находит в передней ощупью, возясь бесшумно в темноте. Нет ни гамаш, ни перчаток, но ведь он только на одну минутку! Довольно трудно справиться с американским механизмом замка. Нога стукнулась о дверь, гул пошёл по всей лестнице. Слава богу, ярко освещённая передняя пуста. Задержав дыхание, с бьющимся сердцем, Дания, как мышь, проскальзывает в тяжёлые двери, едва приотворив их, и вот он на улице! Чёрное небо, белый, скользкий, нежный, скрипящий под ногами снег, беготня света и теней под фонарём на тротуаре, вкусный запах зимнего воздуха, чувство свободы, одиночества и дикой смелости, – всё это как сон!..

«Дурные дети» как раз выходили из калитки соседнего дома, когда Даня выскочил на улицу. Над мальчиками плыла звезда, вся светившаяся красными, розовыми и жёлтыми лучами, а самый маленький из колядников нёс на руках освещённый изнутри сделанный из картона и разноцветной папиросной бумаги домик – «вертеп Господень». Этот малыш был не кто иной, как сын иевлевского кучера. Даня не знал имени, но помнил, что этот мальчуган нередко вслед за отцом с большой серьёзностью снимал шапку, когда Дане случалось проходить мимо каретного сарая или конюшни.

Звезда поравнялась с Даней. Он нерешительно посопел и сказал баском:

– Господа, примите и меня-а-а...

Дети остановились. Помолчали немного. Кто-то сказал сильным голосом:

– А на кой ты нам ляд?!

И тогда все заговорили разом:

– Иди, иди... Нам с тобой не велено водиться...

– И не треба...

– Тоже ловкий... мы по восьми копеек сложились...

– Хлопцы, да это же иевлевский паныч, Гаранька, это – ваш?..

– Наш!.. – с суровой стыдливостью подтвердил мальчиш-

ка кучера.

– Проваливай! – решительно сказал первый, осипший, мальчик. – Нема тут тебе компании...

– Сам проваливай, – рассердился Даня, – здесь улица моя, а не ваша!

– И не твоя вовсе, а казённая.

– Нет, моя. Моя и папина.

– А вот я тебе дам по шее, – тогда и узнаешь, чья улица...

– А не смеешь!.. Я папе пожалуюсь... А он тебя высекет...

– А я твоего папу ни на столечко вот не боюсь... Иди, иди, откудова пришёл. У нас дело товариское. Ты небось денег на звезду не давал, а лезешь...

– Я и хотел вам денег дать... целых пятьдесят копеек, чтобы вы меня приняли... А теперь вот не дам!..

– И всё ты врёшь!.. Нет у тебя никаких пятьдесят копеек.

– А вот нет – есть!..

– Покажи!.. Всё ты врёшь...

Даня побренчал деньгами в кармане.

– Слышишь?..

Мальчики замолчали в раздумье. Наконец сиплый высморгался двумя пальцами и сказал:

– Ну-к что ж... Давай деньги – иди в компанию. Мы думали, что ты так, на шермака хочешь!.. Петь можешь?..

– Чего?..

– А вот «Рождество Твоё, Христе Боже наш»... колядки ещё тоже...

– Могу, – сказал решительно Даня.

Чудесный был этот вечер. Звезда останавливалась перед освещёнными окнами, заходила во все дворы, спускалась в подвалы, лазила на чердаки. Остановившись перед дверью, предводитель труппы – тот самый рослый мальчишка, который недавно побранился с Даней, – начинал сиплым и гнусавым голосом:

– Рождество Твоё, Христе Боже наш...

И остальные десять человек подхватывали вразброд, не в тон, но с большим воодушевлением:

– Воссия мирови свет разума...

Иногда дверь отворялась, и их пускали в переднюю. Тогда они начинали длинную, почти бесконечную колядку о том, как шла царевна на крутую гору, как упала с неба звезда красна, как Христос родился, а Ирод сомутился. Им выносили отрезанное щедрой рукой кольцо колбасы, яиц, хлеба, свиного студня, кусок телятины. В другие дома их не пускали, но высылали несколько медных монет. Деньги прятались предводителем в карман, а съестные припасы складывались в один общий мешок. В иных же домах на звуки пения быстро распахивались двери, выскакивала какая-нибудь рыхлая толстая баба с веником и кричала грозно:

– Вот я вас, лайдаки, голодранцы паршивые... Гэть!.. Кыш до дому!

Один раз на них накинута огромный городской, закутанный в остроконечный башлык, из отверстия которого торчали белые, ледяные усы:

— Що вы тут, стрекулисты, шляетесь?.. Вот я вас в участок!.. По какому такому праву?.. А?..

И он затопал на них ногами и зарычал зверским голосом. Как стоя воробьёв после выстрела, разлетелись по всей улице маленькие христославщики. Высоко прыгала в воздухе, чертя огненный след, красная звезда. Дане было жутко и весело скакать галопом от погони, слыша, как его штиблеты стучат, точно копыта дикого мустанга, по скользкому и неверному тротуару. Какой-то мальчишка, в шапке по самые уши, перегоняя, толкнул его неловко боком, и оба с разбега ухнули лицом в высокий сугроб. Снег сразу набился Дане в рот и в нос. Он был нежен и мягок, как холодный невесомый пух, и прикосновение его к пылавшим щекам было свежо, щекотно и сладостно.

Только на углу мальчишки остановились. Городовой и не думал за ними гнаться.

Так они обошли весь квартал. Заходили к лавочникам, к подвальным жителям, в дворники. Благодаря тому, что выхоленное лицо и изящный костюм Дани обращали общее внимание, он старался держаться позади. Но пел он, кажется, усерднее всех, с разгоревшимися щеками и блестящими глазами, опьянённый воздухом, движением и необыкновенностью этого ночного бродяжничества. В эти блаженные, ве-

сёлые, живые минуты он совершенно искренно забыл и о позднем времени, и о доме, и о мисс Дженерс, и обо всём на свете, кроме волшебной колядки и красной звезды. И с каким наслаждением ел он на ходу кусок толстой холодной малороссийской колбасы с чесноком, от которой мёрзли зубы. Никогда в жизни не приходилось ему есть ничего более вкусного!

И потому при выходе из булочной, где звезду угостили тёплыми витушками и сладкими крендельками, он только слабо и удивленно ахнул, увидя перед собою нос к носу Нину и мисс Дженерс в сопровождении лакея, швейцара, няньки и горничной.

– Слава тебе господи, нашёлся наконец!.. Боже мой, в каком виде! Без калош и без башлыка! Весь дом с ног сбился из-за тебя, противный мальчишка!

Славильщиков давно уже не было вокруг. Как недавно от городского, так и теперь они прыснули в разные стороны, едва только почуяли опасность, и вдали слышался лишь дробный звук их торопливых ног.

Тётя Нина – за одну руку, мисс Дженерс – за другую повели беглеца домой. Мама была в слезах – бог знает, какие мысли приходили ей за эти два часа, когда все домашние, потеряв головы, бегали по всем закоулкам дома, по соседям и по ближним улицам. Отец напрасно притворялся разгневанным и суровым и совсем неудачно скрывал свою радость, увидев сына живым и невредимым. Он не меньше жены был

взволнован исчезновением Дани и уже успел за это время поставить на ноги всю городскую полицию.

С обычной прямоотой Даня подробно рассказал свои приключения. Ему пригрозили назавтра тяжёлым наказанием и послали переодеться. Он вышел к своим маленьким гостям вымытый, свежий, в новом красивом костюме. Щёки его горели от недавнего возбуждения, и глаза весело блестели после мороза. Очень скучно было притворяться благовоспитанным мальчиком, с хорошими манерами и английским языком, но, добросовестно заглаживая свою недавнюю вину, он ловко шаркал ножкой, целовал ручку у пожилых дам и снисходительно развлекал самых маленьких малышей.

— А ведь Дане полезен воздух, — сказал отец, наблюдавший за ним издали, из кабинета. — Вы дома его слишком много держите взаперти. Посмотрите, мальчик пробежался, и какой у него здоровый вид! Нельзя держать мальчика всё время в вате.

Но дамы так дружно накинулись на него и наговорили такую кучу ужасов о микробах, дифтеритах, ангинах и о дурных манерах, что отец только замахал руками и воскликнул, весь сморщившись:

— Довольно, довольно! Будет... будет... Делайте, как хотите... Ох, уж эти мне женщины!..

А. Фёдоров-Давыдов.

Хаврошина ёлка

Святочный рассказ

1

На самом краю деревни Деурина стояла избёнка солдатской вдовы Арины Паниной. Незадолго до Рождества, этак дней за пять, приехала к Арине из Питера старшая сестра Варвара, с которой она лет десять не видалась.

Обрадовалась сестре Арина, расцеловались сёстры, и пошли у них разговоры без конца.

Служила Варвара десять лет в няньках у богатых господ; а как барчата их подросли, она и отошла от места. Жила Варвара у господ, как сыр в масле каталась: еда хорошая, на праздники подарки дарят: либо шубёнку, либо платье, либо деньгами. Всего было!.. Вон два сундука всяким добром набиты, да триста рублей у неё на хранении лежат... Вот поживёт тётка Варвара у сестрицы, в монастырь деньги внесёт, и дадут ей келейку, чтобы дожить ей тихо, мирно и бес печально...

И видит Арина – сидит перед ней Варвара барыня-барыней: платье шерстяное, шубка на лисьем меху, платок ков-

ровый на плечи накинута; лицо у нее белое, полное, руки холодные. А посмотрела Арина вокруг себя – и сердце у нее от боли зануло: всюду-то беднота, нужда горькая да голод!..

А вечером, после ужина, и стала тётка Варвара про жизнь-бытьё городское сказывать. Чисто мёд с молоком слова у неё текли. Хавроша, дочь Арины, и про сон забыла – на-вострила уши, слово боится пропустить...

Арина слушала молча, и всё её досада да зависть разбирали. Уж больно им-то с Хаврошей тяжело жилось! И одеться не во что, и иной раз хлеба перекусить не приходится...

– Вот, – рассказывала тётка Варвара, – сейчас Рождество наступает. И пойдёт по всему городу веселье, пляс – сердце радуется. А для ребят ёлки там устраивают!..

И пошла Варвара сказывать, как купят господа ёлку, обрядят её конфетками, пряниками, игрушками разными, яблоками да орехами – и детям её подарят. А дети свечи на ней зажгут и давай вокруг ёлки плясать да сласти рвать.

Словно зачарованная слушала Хавроша тётку Варвару. А Арина и говорит:

– То-то деньги у господ без глаз: куда не швыряют!

Тётка Варвара даже обиделась за господ:

– Что ж, сестрица, – не всем же по-свински жить, вроде вас!.. Тоже и себя, и детей потешить охота!.. А что деньги зря бросают, это точно... Вон, намеренно ёлку пошли покупать – приступу к ёлкам нет: либо три рубля, либо пять, а то и десять рублей отдают... Вот что!..

– Десять целковых?.. – Арину даже в жар бросило. – На десять-то целковых мы бы полгода беспечально жить могли.

Хавроша так и заснула в радужных мечтах. А наутро Арина и сказала Хавроше:

– Сходи, доченька, на село, к учительше Клавдии Васильевне: поклонись от меня, скажи, разнедужилась-де я во все, не даст ли мучки с четвёртку, да масла, да полтинник – праздник встретить. Скажи, у сестры просила – и слышать не хочет: какие, говорит, у меня деньги?.. Да ты, Хавроша, у учительши и переночуй, а ночью не ходи...

Живо собралась Хавроша: материнскую кацавейку надела, платком обмоталась, валенки обула. Потом под лавку сунулась и отцовский топор разыскала... Заткнула его за платок назад и пошла в путь-дорогу... Хавроша-то себе на уме... Недаром она с вечера тёткины рассказы слушала...

Лютый мороз трещит на дворе. Солнышко, всё окутанное мглой, стоит на небе красное, словно сердится на кого!..

Идёт Хавроша – скорым-скоро; «хруп-хруп» – похрупывает мёрзлый снег под валенками, а думы Хаврошины так сами на крыльях её и несут. Вышла за околицу, спустилась к реке тихо-тихо, кругом мертво...

Беги, Хавроша, беги, касатка, не то смёрзнешь, такая-сякая!.. Студёно!.. Руки-то коченеют, под кацавейку мороз набирается, и нос вишенкой горит. Вошла Хавроша в лес, устала, запыхалась. Да слава Богу, вон, в стороне стоит ёлочка, какую ей надо: кудреваستنенькая, высоконькая, аккуратная такая!.. Достала Хавроша топор и полезла по сугробам к ёлочке. Ноги вязнут в снегу: не то что по пояс, а по горло Хавроша в сугроб ушла. Да ничего, выкарабкалась!..

Ох, только уж вот этот мороз!.. Скрючил он пальцы у Хавроши – не разогнёшь; топор не удержишь в руках, а не то что рубить... Стала Хавроша на пальцы дуть, да мороз дух захватывает, всё в ней стынет!.. Даже заплакала Хавроша.

Чу!.. Скрипят полозья, лошадь фыркает!.. Никак едет кто!..

Ободрилась Хавроша, оглянулась и видит, что точно кто-то едет, да никак свой...

– Дядя Андрей!.. Андре-ей!.. – На дороге за елями оста-

новились розвальни, и вся лохматая, словно обсахаренная, лошадёнка дымилась от пара... Бородатый рыжий мужик сошёл с саней и оглянулся...

– Хаврошка?.. Да как ты сюда попала?..

– Да я за ёлкой!.. А ты в город?..

– В город и есть!..

– Сруби, дядя Андрей, ёлку-то... В город свезём. Ишь, тётка сказывала, господам они нужны... Деньги платят...

Мужик почесал затылок и сказал:

– А что, братец ты мой, и то!.. И тебе срублю, и себе пяток возьму... Продадим и то... Ступай, ложись в сани-то, прикройся веретьем, а я, дай срок, нарублю...

Нарубили ёлок, навязали и поехали.

– А что, братец ты мой, – сказал Андрей, – кабы не случай, смёрзла бы в лесу ни за грош! либо заяц бы тебя залягал!.. Ишь, востроносая, что удумала!..

Шумно, людно на базаре. Скоро святки!.. Живо раскупили у дяди Андрея целый воз ёлок. Осталась только Хаврошина ёлка. Жаль Хавроше ёлку продавать. А дядя Андрей ворчит:

– Что ж мне с тобой до ночи на морозе-то мёрзнуть?.. Продавай, что ли, пора...

В это время мимо проходила какая-то барыня с девочкой.

– Что стоит ёлка?.. – спросила барыня.

– Три рубля, – пролепетала Хавроша.

– Да ты с ума сошла! – вскрикнула барыня. – Вся-то ей цена 25 копеек.

Дяде Андрею даже обидно стало.

– Э-эх, барыня!.. – сказал он горько. – Оно точно, – ёлка ничего не стоит, – да девчонка-то вся смёрзла, на морозе-то стоя; а дома-то у неё мать больна, и праздник нонче!..

Барыня быстро достала три рубля и сунула их Хавроше...

Вечер. Тускло чадит лампочка в Ариной избёнке.

Тётка Варвара сидит за столом и ужинает. Арина, ещё слабая от болезни, встала и прибирает посуду.

– Сердце-то не на месте, – говорит она, – и где это Хавроша запропала!..

В это время под окнами с надворья завизжали полозья; послышались глухие голоса... Собака залаяла. Кто-то стук-

нул в окно, и Варвара, кряхтя и ворча, пошла отпирать ворота... Дверь с визгом распахнулась, клуб пара вырвался из избы...

– Хавроша!..

– Вот тебе пропащая твоя!.. – проворчала тётка Варвара, вешая шубу на гвоздь... – Ишь, в городе побывала... ну, и шустрая же!.. Ты послушай, чудес-то каких она натворила!..

На другой день был сочельник. В деревне все знали, что наделала Хаврошка, и об этом только и говору было.

А в сумерки тётка Варвара, весь день сидевшая у окна туча-тучей, окликнула сестру и сказала ей:

– Слышь ты, сестра... Одолела, значит, меня Хаврошка твоя... Вот что!.. Да... Хотела я в монастырь пристроиться; ну, так что вижу, Господь мне указал, чтобы вас, значит, не покидать... Да... Ну, и останусь я жить у вас, и там что насчёт денег, всё это можно. А только ты-то уж меня при старости корми, пои!.. Одолела меня девчонка твоя!.. И шустрая же, сейчас помереть...

Арина чуть не до земли поклонилась сестре и только всего и сказала:

– Благослови тебя Бог, сестрица... Вместе и жить станем, вместе и к Господу Богу пойдём!..

1914–1916 (?)

В. В. Розанов. С Рождеством Христовым!

Снова в сознании и в чувствах народных рождается Предвечный Младенец, – рождается в вертепе, то есть в пещере, куда на ночь сирийские пастухи загоняли свой скот, охраняя его от хищных зверей. Снова приходят поклониться Младенцу и Богу сперва пастыри, то есть пастухи окрестных стад; и затем приносят Ему дары, золото и благовонные смолы «волхвы с Востока», – дары, знаменующие и священническое, и царское служение рождённого Младенца. Так в этих чертах, и простых и народных, говорящих что-то «своё» и «родное» каждой бедной хижине, – и вместе в чертах небесных и религиозных, уже предрекающих будущие звоны христианских церквей, родился наш Христос, научивший людей и народы новой истине, новой правде; родился Тот, Кто возвестил всем новый закон благодатного существования.

«Своё», «родное» говорит каждой хижине Рождество Христово. Никакие царства и никакие власти, никакие обширные и новые законы, требующие от человека повиновения и говорящие ему языком приказания, – не могли бы внести и не вносят того внутреннего содержания, того сердечно-го говора, какой принёс людям Рождённый Младенец. Здесь разница и разделение религии от царств. И здесь причина,

что все царства и власти склоняются перед религиею, ибо даже для них-то, для этих царств, религия даёт больше царственного и законодательного, чем сколько они содержат в себе. Религия даёт внутреннее убеждение, собственное влечение человека следовать лучшему, благороднейшему, человеческому. Навстречу закону, суровому и внешнему, с его тоном приказания, – и раньше, чем он умел приказать, – религия вызывает порывы в самом человеке, не только совпадающие с законом, но и дающие «благодатную прибавку». Никаким законом и никакими его строгостями нельзя бы вызвать того сияния подвига и добрых дел, какими бывает наполнена, – и до сих пор часто, не говоря о ранних веках христианства, – жизнь деятельного и порывистого христианина. «Христа ради» – это относится не до одних нищих... «Христа ради» воздвигаются больницы. «Христа ради», через сборы по копейке, воздвигнуты все наши храмы. «Христа ради» льётся и льётся добро из щедрых рук в руки неимущие, – и этот поток до сих пор, через 1900 лет после рождения Божественного Младенца, так велик, обилен и энергичен, что говорить об «угасании христианства» могут только больные языки, покрытые струпьями, и могут только больные изнеможенные совести, задыхающиеся в собственном эгоизме. А говорят многие, и говорят с радостью о «падении религии вообще» и, в частности, об «изношенности и потускнении христианства», – радуясь, что «исчезают предрассудки и суеверия». Но народ им не уступит «своего» и «род-

ного», о чем мы сказали выше. Толща народная хорошо знает, что светская безрелигиозная филантропия оставит их голыми на снегу, что она из тысячи накормит только одного, — не будь народного движения сюда «Христа ради», не будь в самой толще народной порыва делиться с соседом, кормить неимущего, — не ради себя и не ради своей человечности, не ради своего образования и учёности, но «ради Христа», Который жертвою за человечество научил и каждого жертвовать для человечества.

И тысяча девятьсот лет не истощился этот поток. Померкли царства и силы, сколько республик пало и монархий разрушилось! — а поток христианских чувств и сила благотворения его не пала; и никто не спрашивает: «Скажите, где же проявление христианского добра?» Оно — везде, добрый читатель, — умеи только смотреть; оно в самом тебе, даже если ты отрицаешь христианство, потому что ты уже смотришь совсем новым глазом на человека, на бедняка или больного. И этот новый взгляд или, точнее, этот новый глаз рождён в тебе Христом и христианством, воспитан в тебе церковью и молитвою в родительском доме: ибо об этом ничего не говорит тебе алгебра с геометрией, не говорят филология и медицина, не говорили тебе школьные учителя, торопливо занятые совсем другими предметами и иными темами. Но, как сосуд с дорогим миром долго ещё сохраняет аромат мира после того, как из него исчерпано или из него выплеснуто на землю миро, и даже черепки разбитого сосуда долго пахнут

тем же, так точно отвернувшийся от церкви и христианства безбожник долго ещё сам остаётся христианином, останутся христианами даже его дети, что бы ни говорил их язык. И настоящий холод безбожия появится только в третьем поколении, когда «пройдёт уже всё»... Но до такого ужаса никогда не допустит народы Младенец, рождение Которого мы сегодня празднуем.

Христианство – теплота, всемирная теплота. Колыбель – тоже теплота. И ясли, и Младенец в них – всё теплота. В противоположность холодному, бездушному буддизму, в противоположность формальному Моисееву законодательству с его мстительным «око за око и зуб за зуб» и с фарисейским разделением людей и даже предметов на «чистые» и «нечистые», – Христос принёс на землю благодатное царство, где погашена мстительность и где всё «нечистое» освящено благодатью и сделалось чистым. «Не греет ли солнце добрых и злых», не «светит ли оно равно добрым и злым», – изрёк Христос: запас добра и сила добра, которое принёс на землю Божественный Младенец, были столь велики и обильны, что Тот, Кто изрёк это слово о солнце, замыл даже рану разделения вещей и людей на добрых и злых, на чистых и нечистых. О, не для того, чтобы попустить зло и нечистое, но чтобы самое зло и нечистоту обратить к Богу, повернуть к Богу, повернуть к правде и очищению. Христос именно победил кривое и лукавое, несколько с ним не согласившись и ни в чём ему не уступив. Он исцелил, исправил, – а не смежил

глаза на существенную разницу между добром и злом. Но Он оставил «огонь неугасимый» последних дней для всего, что и после Его учения и Его образа останется упорным, косным и холодным.

Христианство – защита народная, Христос есть заступник народный. Никогда, никогда народ не отступится от этой защиты своей, никогда он не отойдёт в сторону от своего Заступника. Мелкая и неумная школа и некоторые обезумевшие семьи рубят под собою корень, пренебрегая религиозным воспитанием детей, и само пастырство тоже сушит этот корень формальным и внешним исполнением своего благодатного долга и в школе, и в семье. Но 1900 лет держится корень и ещё свеж. Немалое время! – и оно крепит в нас надежды. Пройдут безумные дни, все опамятуются и поймут, что нет воспитания без «закона Божия», нет благодатного роста детей без молитвы, без поставленной в церкви восковой свечи, без всего круга забот и мыслей, нить которых начинается в церкви, а оканчивается на далёкой орбите нашей целокупной деятельности гражданской, служебной, всяческой.

Но, забывая об отрицательных и кривых явлениях душевной и общественной жизни, кончим – обращаясь к добрым. Скажем слово тем, кто верен Христу и христианству, верен Церкви. Пусть смело и твёрдо стоят они на этом камне: не смоеет его цивилизация, не подмоют его науки, ибо этот камень сам их утверждает и всё на нём держится. На правом камне стоите вы, правые и лучшие люди Руси. Только не за-

бывайте: ведите непременно детей ваших к церкви в этот день, приобщайте их морю народному и морю веры народной. Детские впечатления – на всю жизнь. Это относится к возможному небрежению, так распространённому на Руси: будьте бодры и внимательны эти дни, ибо ничто так не воспитывает детей, как правильно вошедший в их душу смысл праздника. Но затем, оставляя рассудительность в стороне, – сами и вольной душой отдайтесь этому празднику; и, помня, что во всем году «Рождество Христово» и связанные с ним «святки» есть главный и единственный семейный праздник всея Руси, – не кидайте драгоценных дней на пустые визиты, светские удовольствия, не спешите в театры и вообще на внешние удовольствия, а старайтесь проводить их лучше дома, делясь душою и мыслью с семьёй своей, которой ведь вы по обязанностям службы и всяческого вообще труда – так мало принадлежите, в сущности. Святки – годовой миг воскресенья семьи, или её оживления, тех счастливых её дней, когда все «в сборе» и «дома». Вот этим «в сборе» и надо воспользоваться, это «дома» надо разработать, украсить узором игр и забав, чистых, весёлых и простодушных. Напомним, что у нас есть (то есть продаётся везде) превосходный большой труд – «Святочная хрестоматия» Швидченка, где родители и взрослые дети найдут всё, что в праздник нужно, в смысле умного развлечения. Тут и народные всевозможные песенки, и игры, и маленькая пьеска для домашнего спектакля. Книжка и собрана (из поверий всех народов), и напи-

сана в целях именно дать русской семье невинное и вместе образованное развлечение на дни Святки!

Ну, с Богом! Здравствуйте все, помните бедных и что-нибудь им уделите в праздник! И сами не забывайте Бога и простодушной русской весёлости.

1913

В. А. Никифоров-Волгин.

Серебряная метель

До Рождества без малого месяц, но оно уже обдаёт тебя снежной пылью, принимает по утрам к морозным стёклам, звенит полозьями по голубым дорогам, поёт в церкви за всенощной «Христос рождается, славите» и снится по ночам в виде весёлой серебряной метели.

В эти дни ничего не хочется земного, а в особенности школы. Дома заметили мою предпраздничность и строго заявили:

– Если принесёшь из школы плохие отметки, то ёлки и новых сапог тебе не видать!

«Ничего, – подумал я, – посмотрим... Ежели поставят мне, как обещались, три за поведение, то я её на пятерку исправлю... За арифметику, как пить дать, влепят мне два, но это тоже не беда. У Михал Васильича двойка всегда выходит на манер лебединой шейки, без кружочка, – её тоже на пятерку исправлю...»

Когда всё это я сообразил, то сказал родителям:

– Баллы у меня будут как первый сорт!

С Гришкой возвращались из школы. Я спросил его:

– Ты слышишь, как пахнет Рождеством?

– Пока нет, но скоро услышу!

– Когда же?

– А вот тогда, когда мамка гуся купит и жарить зачнёт, тогда и услышу!

Гришкин ответ мне не понравился. Я надулся и стал молчаливым.

– Ты чего губы надул? – спросил Гришка.

Я скосил на него сердитые глаза и в сердцах ответил:

– Рази Рождество жареным гусем пахнет, обалдуй?

– А чем же?

На это я ничего не смог ответить, покраснел и ещё пуще рассердился.

Рождество подходило всё ближе да ближе. В лавках и булочных уже показались ёлочные игрушки, пряничные коньки и рыбки с белыми каёмками, золотые и серебряные конфеты, от которых зубы болят, но всё же будешь их есть, потому что они рождественские.

За неделю до Рождества Христова нас отпустили на каникулы.

Перед самым отпуском из школы я молил Бога, чтобы Он не допустил двойки за арихметику и тройки за поведение, дабы не прогневать своих родителей и не лишиться праздника и обещанных новых сапог с красными ушками. Бог услышал мою молитву и в свидетельстве «об успехах и поведении» за арихметику поставил тройку, а за поведение пять с минусом.

Рождество стояло у окна и рисовало на стёклах морозные

цветы, ждало, когда в доме вымоют полы, расстелят половики, затеплят лампы перед иконами и впустят Его...

Наступил сочельник. Он был метельным и белым-белым, как ни в какой другой день. Наше крыльцо занесло снегом, и, разгребая его, я подумал: необыкновенный снег... как бы святой! Ветер, шумящий в берёзах, – тоже необыкновенный! Бубенцы извозчиков не те, и люди в снежных хлопьях не те... По сугробной дороге мальчишка в валенках вёз на санках ёлку и как чудной чему-то улыбался.

Я долго стоял под метелью и прислушивался, как по душе ходило весёлым ветром самое распрекрасное и душистое на свете слово – «Рождество». Оно пахло вьюгой и колючими хвойными лапками.

Не зная, куда девать себя от белизны и необычности сегодняшнего дня, я забежал в собор и послушал, как посредине церкви читали пророчества о рождении Христа в Вифлееме; прошёлся по базару, где торговали ёлками, подставил ногу проходящему мальчишке, и оба упали в сугроб; ударил кулаком по залубеневшему тулупу мужика, за что тот обозвал меня «шулды-булды»; перебрался через забор в городской сад (хотя ворота и были открыты). В саду никого, – одна заметель да свист в деревьях. Неведомо отчего бросился с разлёту в глубокий сугроб и губами прильнул к снегу. Умаявшись от беготни по метели, сизый и оледеневший, пришёл домой и увидел под иконами маленькую ёлку... Сел с нею рядом и стал петь сперва бормотой, а потом всё громче да

громче: «Дева днесь пресущественного рождает», и вместо «волсви со звездою путешествуют» пропел: «волки со звездою путешествуют».

Отец, послушав моё пение, сказал:

– Но не дурак ли ты? Где это видано, чтобы волки со звездою путешествовали?

Мать палила для студня телячьи ноги. Мне очень хотелось есть, но до звезды нельзя. Отец, окончив работу, стал читать вслух Евангелие. Я прислушивался к его протяжному чтению и думал о Христе, лежащем в яслях:

– Наверное, шёл тогда снег и маленькому Иисусу было дюже холодно!

И мне до того стало жалко Его, что я заплакал.

– Ты что заканючил? – спросили меня с беспокойством.

– Ничего. Пальцы я отморозил.

– И поделом тебе, неслуху! Поменьше бы олётывал в такую зябь!

И вот наступил наконец рождественский вечер. Перекрестясь на иконы, во всём новом, мы пошли ко всенощной в церковь Спаса-Преображения. Метель утихла, и много звёзд выбежало на небо. Среди них я долго искал рождественскую звезду и, к великой своей обрадованности, нашёл её. Она сияла ярче всех и отливала голубыми огнями.

Вот мы и в церкви. Под ногами ельник, и кругом, куда ни взглянешь – отовсюду идёт сияние. Даже толстопузый староста, которого все называют «жилой», и тот сияет, как святой

угодник. На клиросе торговец Силантий читал «великое повечерие». Голос у Силантия сиплый и пришепетывающий, – в другое время все на него роптали за гугнивое чтение, но сегодня, по случаю великого праздника, слушали его со вниманием и даже крестились. В густой толпе я увидел Гришку. Протискался к нему и шепнул на ухо:

– Я видел на небе рождественскую звезду... Большая и голубая!

Гришка покосился на меня и пробурчал:

– Звезда эта обыкновенная! Вега называется. Её завсегда видать можно!

Я рассердился на Гришку и толкнул его в бок. Какой-то дяденька дал мне за озорство щелчка по затылку, а Гришка прошипел:

– После службы и от меня получишь!

Читал Силантий долго-долго... Вдруг он сделал маленькую передышку и строго оглянулся по сторонам. Все почувствовали, что сейчас произойдёт нечто особенное и важное. Тишина в церкви стала ещё тише. Силантий повысил голос и раздельно, громко, с неожиданной для него прояснённости, воскликнул:

– С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!

Рассыпанные слова его светло и громогласно подхватил хор:

– С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с на-

ми Бог!

Батюшка в белой ризе открыл царские врата, и в алтаре было белым-бело от серебряной парчи на престоле и жертвеннике.

– Услышите до последних земли, яко с нами Бог, – гремел хор всеми лучшими в городе голосами. – Могущии покоряйтесь, яко с нами Бог... Живущии во стране и сени смертной, свет возсияет на вы, яко с нами Бог. Яко отроча родися нам, Сын, и дадеся нам – яко с нами Бог... И мира Его несть предела, – яко с нами Бог!

Когда пропели эту высокую песню, то закрыли царские врата, и Силантий опять стал читать. Читал он теперь бодро и ясно, словно песня, только что отзвучавшая, посеребрила его тусклый голос.

После возгласа, сделанного священником, тонко-тонко зазвенел на клиросе камертон, и хор улыбающимися голосами запел «Рождество Твоё, Христе Боже наш».

После рождественской службы дома зазорили (по выражению матери) ёлку от лампадного огня. Ёлка наша была украшена конфетами, яблоками и розовыми баранками. В гости ко мне пришёл одноклассник мой еврейчик Урка. Он вежливо позддравил нас с праздником, долго смотрел ветхозаветными глазами своими на загорелую ёлку и сказал слова, которые всем нам понравились:

– Христос был хороший человек!

Сели мы с Уркой под ёлку, на полосатый половик, и по

молитвеннику, водя пальцем по строкам, стали с ним петь «Рождество Твоё, Христе Боже наш».

В этот осветлённый вечер мне опять снилась серебряная метель, и как будто бы сквозь вздымы её шли волки на задних лапах, и у каждого из них было по звезде, все они пели «Рождество Твоё, Христе Боже наш».

1937

И. С. Шмелёв. Рождество

Рождество уже засветилось, как под Введение запели на всенощной «Христос рождается, славите; Христос с небес, срящите...» – так сердце и заиграло, будто в нём свет зажёгся. Горкин меня загодя укреплял, а то не терпелось мне, скорей бы Рождество приходило, всё говорил вразумительно «нельзя сразу, а надо приуготовляться, а то и духовной радости не будет». Говорил, бывало:

– Ты вон, летось, морожена покупал... и взял-то на монетку, а сколько лизался с ним, поглядел я на тебя. Так и с большою радостью, ещё пуще надо дотягиваться, не сразу чтобы. Вот и приуготовляемся, издаля приглядываемся, – вон оно, Рождество-то, уж светится. И радости больше оттого.

И это сушая правда. Стали на крылосе петь, сразу и заглось паникадило, – уж светится будто Рождество. Иду ото всенощной, снег глубокий, крепко морозом прихватило, и чудится, будто снежок поёт, весело так похрустывает – «Христос с небес, срящите...» – такой-то радостный, хрящеватый хруст. Хрустят и промёрзшие заборы, и наши дубовые ворота, если толкнуться плечиком, – весёлый, морозный хруст. Только бы Николина дня дожждаться, а там и рукой подать; скатишься, как под горку, на Рождество.

«Вот и пришли Варвары», – Горкин так говорит, – Василь-Василичу нашему на муку. В деревне у него на Николу

престольный праздник, а в Москве много земляков, есть и богачи, в люди вышли, все его уважают за характер, вот он и празднует во все тяжки. Отец посмеивается: «Теперь уж варвариться придётся!» С неделю похоровадится: три дни подряд празднует трояк-праздник: Варвару, Савву и Николу. Горкин остерегает, и сам Василь-Василич бережётся, да морозы под руку толкают. Поговорка известная: Варвара-Савва мостит, Никола гвоздит. По именинам-то как пойдёт, так и пропадёт с неделю. Зато уж на Рождество – «как стёклышко», чист душой: горячее дело, публику с гор катать. Разве вот только «на стенке» отличится, – на третий день Рождества, такой порядок, от старины; бромлейцы, заводские с чугунного завода Бромлея, с Серединки, неподалёку от нас, на той же Калужской улице, «стенкой» пойдут на наших, в кулачный бой, и большое побоище бывает; сам генерал-губернатор князь Долгоруков будто дозволяет, и будошники не разгоняют: с морозу людям погреться тоже надо. А у Василь-Василича кровь такая, горячая: смотрит-смотрит – и вяжется. Ну, с купцами потом и празднует победу-одоление.

Как увидишь, – на Конную площадь обозы потянулись, – скоро и Рождество. Всякую живность везут, со всей России: свиней, поросят, гусей... – на весь мясоед, мороженных, пыльного мороза. Пойдём с Горкиным покупать, всю там Москву увидим. И у нас на дворе, и по всей округе, все запасаются помногу, – дешевле, как на Конной, купить нельзя. Повезут

на санях и на салазках, а пакетчики, с Житной, сами впрягаются в сани – народ потешить для Рождества. Скорняк уж приходил, высчитывал с Горкиным, чего закупить придется. Отец загодя приказывает прикинуть на бумажке, чего для народа взять и чего для дома. Плохо-плохо, а две-три тушки свиных необходимо, да чёрных поросят, с кашей жарить, десятка три, да белых, на заливное молошничков, два десятка, чтобы до заговин хватило, да индеек-гусей-кур-уток, да потрохов, да ещё солонины не забыть, да рябчиков сибирских, да глухарей-тетёрок, да... – трое саней брать надо. И я новенькие салазки заготовил, чего-нибудь положить, хоть рябчиков.

В эту зиму подарил мне отец саночки-щегольки, высокие, с подрезами, крыты зелёным бархатом, с серебряной бахромой. Очень мне нравились эти саночки, дивовались на них мальчишки. И вот заходит ко мне Лёнька Егоров, мастер змеи запускать и голубей гонять. Приходит, и давай хаять саночки: девчонкам только на них кататься, разве санки бывают с бахромой! Настоящие санки везде катаются, а на этих в снегу увязнешь. Велел мне сесть на саночки, повёз по саду, в сугробе увязил и вывалил.

– Вот так саночки твои!.. – говорит, – и плюнул на мои саночки.

Сердце у меня и заскучало. И стал нахваливать свои, любяные: на них и в далёкую дорогу можно, и сенца можно постелить, и товар возить: вот, на Конную-то за поросятами

ехать! Стал я думать, а он и привозит саночки, совсем такие, на каких тамбовские мужики в Москву поросят везут, только совсем малюсенькие, у щепника нашего на рынке выставлены такие же у лавки. Посадил меня и по саду лихо прокатил.

– Вот это дак саночки! – говорит. Отошёл к воротам, и кричит: – Хочешь, так уж и быть, променяю приятельски, только ты мне в придачу чего-нибудь... хоть три копейки, а я тебе гайку подарю, змеи чикать.

Я обрадовался, дал ему саночки и три копейки, а он мне гайку – змеи чикать и салазки. И убежал с моими. Поиграл я саночками, а Горкин и спрашивает, как я по двору покатыл:

– Откуда у те такие, лутошные?

Как узнал всё дело, так и ахнул:

– Ах ты, самоуправник! да тебя, простота, он, лукавый, вкруг пальца обернул, папашенька-то чего скажет!.. да евошним-то три гривенника – красная цена, куклу возить девчонкам, а ты, дурачок... идём со мной.

Пошли мы с ним к Лёньке на двор, а уж он с горки на моих бархатных щеголяет. Ну, отобрали. А отец его, печник знакомый и говорит:

– А ваш-то чего смотрел... так дураков и учат.

Горкин сказал ему чего-то от Писания, он и проникся, Лёньку при нас и оттрепал. Говорю Горкину:

– А за поросятами на Конную, как же я?..

Поставим, говорит, корзиночку, и повезёшь.

Близится Рождество: матушка велит принести из амбара

«паука». Это высокий такой шест, и круглая на нём щётка, будто шапка: обметать паутину из углов. Два раза в году «паука» приносят: на Рождество и на Пасху. Смотрю на «паука» и думаю: «Бедный, целый год один в темноте скучал, а теперь, небось, и он радуется, что Рождество». И все радуются. И двери наши, – моют их теперь к Празднику, – и медные их ручки, чистят их мятой бузиной, а потом обматывают тряпочками, чтобы не захватили до Рождества: в Сочельник развяжут их, они и засияют, радостные, для Праздника. По всему дому идёт суетливая уборка.

Вытащили на снег кресла и диваны, дворник Гришка лупит по мягким пузикам их плетёной выбивалкой, а потом натирает чистым снегом и чистит веничком. И вдруг, плюхается с размаху на диван, будто приехал в гости, кричит мне важно – «подать мне чаю-шоколаду!» – и строит рожи, гостя так представляет важного. Горкин – и тот на него смеётся, на что уж строгий. «Белят» ризы на образах: чистят до блеска щёточкой с мелком и водкой и ставят «праздничные», рождественские, лампадки, белые и голубые, в глазках. Эти лампадки напоминают мне снег и звёзды. Вешают на окна свежие накрахмаленные шторы, подтягивают пышными сборками, – и это напоминает чистый, морозный снег. Изразцовые печи светятся белым матом, сияют начищенными отдушниками. Зеркально блестят паркетные полы, пахнущие мастикой с медовым воском, – запахом Праздника. В гостиной стелят «рождественский» ковёр, – пышные голу-

бые розы на белом поле, – морозное будто, снежное. А на Пасху – пунсовые розы полагаются, на алом.

На Конной, – ей и конца не видно, – где обычно торгуют лошадьми цыганы и гоняют их на проглядку для покупателей, показывая товар лицом, стоном стоит в морозе гомон. Нынче здесь вся Москва. Снегу не видно, – завалено народом, черным-черно. На высоких шестах висят на мочалках поросята, пучки рябчиков, пупырчатые гуси, куры, чернокрылые глухари. С нами Антон Кудрявый, в оранжевом вонючем полушубке, взял его Горкин на подмогу. Куда тут с санками, самих бы не задавили только, – чистое светопреставление. Антон несёт меня на руках, как на «постном рынке». Саночки с бахромой пришлось оставить у знакомого лавочника. Там и наши большие сани с Антипушкой, для провизии, – целый рынок закупим нынче. Мороз взялся такой, – только поплясывай. И все довольны, весёлые, для Рождества стараются поглатывают-жгутся горячий сбитень. Только и слышишь – перекликаются:

– Много ль поросят-то покупаешь?

– Много – не много, а штук пяток надо бы, для Праздника.

Торговцы нахваливают товар, стучают друг о дружку мёрзлых поросят: живые камушки.

– Звонкие-молочшие!.. не поросятки – а-нделы!..

Горкин пеняет тамбовскому, – «рыжая борода»: не годится так, ангелы – святое слово. Мужик смеётся:

– Я и тебя, милый, а-нделом назову... у меня ласковой

слова нет. Не чёрным словом я, – а-ндельским!..

– Дворянские самые индюшки!.. князьего роду, пензицкого заводу!..

Горкин говорит, – давно торгу такого не видал, боле тыщи подвод нагнали, – слыхано ли когда! «черняк» – восемь копеек фунт?! «беляк» – одиннадцать! дешевле пареной репы. А потому: хлеба уродилось после войны, вот и пустили вовсю на выкорм. Ходим по народу, выглядываем товарец. Всегда так Горкин; сразу не купит, а выверит. Глядим, и отец дьякон от Спаса в Наливках, в енотовой огромной шубе, слон-слоном, за спиной мешок, полон: немало ему надо, семья великая.

– Третий мешок набил, – басит с морозу дьякон, – гуська одного с дюжинку, а поросяткам и счёт забыл. Семейка-то у меня...

А Горкин на ухо мне:

– Это он так, для хорошего разговору... он для души старается, в богадельню жертвует. Вот и папашенька, записочку сам дал, велит на четвертной закупить, по бедным семьям. И втайне чтобы, мне только препоручает, а я те поучение... вырастешь – и попомнишь. Только никому не сказывай.

Встречаем и Домну Панфёровну, замотана шальями, гора горой, обмёрзла. С мешком тоже, да и салазки ещё волочит. Народ мешает поговорить, а она что-то про уточек хотела, уточек она любит, пожирней. Смотрим – и барин Энтальцев тут, совсем по-летнему, в пальтишке, в синие кулаки ду-

ет. Говорит важно так: «рябчиков покупаю, „можжевельничков“, тонкий вкус! там, на углу, пятиалтынный пара!». Мы не верим: у него и гривенничка наищешься. Подходим к рябчикам: полон-то воз, вороха пёстрого перья. Оказывается, «можжевельнички» – четвертак пара.

– Тёрся тут, у моего воза, какой-то хлюст, нос насанда-лен... – говорит рябичник, – давал пятиалтынный за парочку, глаза мне отвёл... а люди видали – стащил будто пары две под свою пальтишку... разве тут доглядишь!..

Мы молчим, не сказываем, что это наш знакомый, барин прогорелый. Ради такого Праздника и не обижаются на жуликов: «что волку в зубы – Егорий дал!» Только один скандал всего и видали, как поймал мужик паренька с гусем, выхватил у него гуся, да в нос ему мёрзлым горлом гусиным: «разговейся, разговейся!..» Потыкал-потыкал – да и плюнул, связываться не время. А свинорубы и внимание не дают, как подбирают бедняки отлетевшие мёрзлые куски, с фунт, пожалуй. Свиной навезли горы. По краю великой Конной тянутся, как поленницы, как груды брёвен-обрубков: мороженая свинина сложена рядами, запорошило снежком розовые разводы срезов: окорока уже пущены в засол, до Пасхи.

Кричат: «тройку пропущай, задавим!» Народ смеётся: пакетчики это с Житной, везут на себе сани, полным-полны, а на груде мороженого мяса сидит-покачивается весёлый парень, баюкает парочку поросят, будто это его ребятки, к груди прижаты. Волокут поросятину по снегу на верёвках, несут

подвязанных на спине гроздьями, – одна гроздь напереду, другая сзади, – растаскивают великий торг. И даже будошник наш поросёнка тащит и пару кур, и знакомый пожарный с Якиманской части, и звонарь от Казанской тащит, и фонарщик гусят несёт, и наши банщицы, и даже кривая нищенка, все-то, все. Душа – душой, а и мамона требует своего, для Праздника.

В Сочельник обеда не полагается, а только чаёк с сайкой и маковой подковкой. Затеплены все лампадки, настланы новые ковры. Блестят развязанные дверные ручки, зеркально блестит паркет. На столе в передней стопы закусочных тарелок, «рождественских», в голубой каёмке. На окне стоят зелёные четверти «очищенной», – подносить народу, как поздравлять с Праздником придут. В зале – парадный стол, ещё пустынный, скатерть одна камчатная. У изразцовой печи, пышет от неё, не дотронуться, – тоже стол, карточный-раскрытый, – закусочный: завтра много наедет поздравителей. Ёлку ещё не внесли: она, мёрзлая, пока ещё в высоких сенях, только после всенощной её впустят.

Отец в кабинете: принесли выручку из бань, с ледяных катков и портомоен. Я слышу знакомое почокивание медяков и тонкий позвонец серебреца: это он ловко отсчитывает деньги, ставит на столе в столбики, серебрецо завёртывает в бумажки; потом раскладывает на записочки – каким беднякам, куда и сколько. У него, Горкин сказывал мне потайно, есть особая книжечка, и в ней вписаны разные бедняки и кто

раньше служил у нас. Сейчас позовет Василь-Василича, велит заложить беговые санки и развезти по углам-подвалам. Так уж привык, а то и Рождество будет не в Рождество.

У Горкина в каморке теплятся три лампадки, медью сияет Крест. Скоро пойдём ко всенощной. Горкин сидит перед железной печкой, греет ногу, – что-то побаливает она у него, с мороза, что ли. Спрашивает меня:

– В Писании писано: «и явилась в небе многая сонма Ангелов...», кому явилась?

Я знаю, про что он говорит: это пастухам ангелы явились и воспели – «Слава в вышних Богу...».

– А почему пастухам явились? Вот и не знаешь. В училищу будешь поступать, в имназию... папашенька говорил намедни... у Храма Христа Спасителя та училища, имназия, красный дом большенный, чугунные ворота. Там те батюшка и спросит, а ты и не знаешь. А он строгий, отец благочинный нашего сорока, протоерей Копьев, от Спаса в Наливках... он те и погонит-скажет – «ступай, доучивайся!» – скажет. А потому, мол, скажи... Про это мне вразумление от отца духовного было, он всё мне растолковал, о. Валентин, в Успенском соборе, в Кремле, у-чё-ный!.. проповеди как говорит!.. Запомни его – о. Валентин, Анфитиятров. Сказал: в стихе поётся церковном: «истинного возвещают Пастыря!..» Как в Писании-то сказано, в Евангелии-то?.. – «Аз есмь Пастырь Добрый...». Вот пастухам первым потому и было возвещено. А потом уж и волхвам-мудрецам было воз-

вещено: знайте, мол! А без Него и мудрости не будет. Вот ты и помни.

Идём ко всенощной.

Горкин раньше ещё ушел, у свещного ящика много дела. Отец ведёт меня через площадь за руку, чтобы не подшибли на раскатцах. С нами идут Клавнюша и Саня Юрцов, заика, который у Сергия-Троицы послушником: отпустили его монахи повидать дедушку Трифоныча, для Рождества. Оба поют вполголоса стишок, который я ещё не слышал, как Ангелы ликуют, радуются человеки, и вся тварь играет в радости, что родился Христос. И отец стишка этого не знал. А они поют ласково так и радостно. Отец говорит:

– Ах вы, божьи люди!..

Клавнюша сказал – «все божии» – и за руку нас остановил:

– Вы прислушайте, прислушайте... как все играет!.. и на земле, и на небеси!..

А это про звон он. Мороз, ночь, ясные такие звёзды, – и гу-ул... все будто небо звенит-гудит, – колокола поют. До того радостно поют, будто вся тварь играет: и дым над нами, со всех домов, и звёзды в дыму, играют, сияние от них весёлое. И говорит ещё:

– Гляньте, гляньте!.. и дым будто Славу несёт с земли... играет каким столбом!..

И Саня-заика стал за ним говорить:

– И-и-и... грает... не-бо и зе-зе-земля играет...

И с чего-то заплакал. Отец полез в карман и чего-то им

дал, позвякал серебрецом. Они не хотели брать, а он велел, чтобы взяли:

– Дадите там, кому хотите. Ах вы, божьи дети... молитвенники вы за нас, грешных... простосерды вы. А у нас радость, к Празднику: доктор Клин нашу знаменитую октаву-баса, Ломшачка, к смерти приговорил, неделю ему только оставлял жить... дескать, от сердца помрёт... уж и дышать переставал Ломшачок! А вот, выправился, выписали его на медни из больницы. Покажет себя сейчас, как «с нами Бог» грянет!..

Так мы возрадовались! А Горкин уж и халатик смертный ему заказывать хотел.

В церкви полным-полно. Горкин мне пошептал:

– А Ломшачок-то наш, гляди-ты... вон он, горло-то потирает, на крылосе... это, значит, готовится, сейчас «С нами Бог» вовсю запустит.

Вся церковь воссияла – все паникадилы загорелись. Смотрю: разинул Ломшаков рот, назад головой подался... – все так и замерли, ждут. И так ахнуло – «С нами Бог»... – как громом, так и взыграло сердце, слезами даже зажгло в глазах, мурашки пошли в затылке. Горкин и молится, и мне шепчет:

– Воскрес из мёртвых наш Ломшачок... – «разумейте, языцы, и покоряйтесь... яко с нами Бог!...».

И Саня, и Клавнюша – будто воссияли, от радости. Такого пения, говорили, ещё и не слышали: будто все Херувимы-Серафимы трубили с неба. И я почувствовал радость, что с на-

ми Бог. А когда запели «Рождество Твоё, Христе Боже наш, воссияя миру свет разума...» – такое во мне радостное стало... и я будто увидал вертеп-пещерку, ясли и пастырей, и волхвов... и овечки будто стоят и радуются. Клавнюша мне пошептал:

– А если бы Христа не было, ничего бы не было, никакого света-разума, а тьма языческая!..

И вдруг заплакал, затрясся весь, чего-то выкликать стал... его взяли под руки и повели на мороз, а то дурно с ним сделалось, – «припадочный он», – говорили-жалели все.

Когда мы шли домой, то опять на рынке остановились, у бассейны, и стали смотреть на звёзды, и как поднимается дым над крышами, и снег сверкает от главной звезды, – «Рождественская» называется. Потом провели Бушуя, погладили его в конуре, а он полизал нам пальцы, и будто радостный он, потому что нынче вся тварь играет.

Зашли в конюшню, а там лампадка горит, в фонаре, от пожара, не дай-то Бог. Антипушка на сене сидит, спать собирается ложиться. Я ему говорю:

– Знаешь, Антипушка, нонче вся тварь играет, Христос родился.

А он говорит – «а как же, знаю... вот и лампадочку затеплил...». И правда: не спят лошадки, копытцами перебирают.

– Они ещё лучше нашего чуют, – говорит Антипушка, – как слышали благовест, ко всенощной... уши наострили, все слушали.

Заходим к Горкину, а у него кутя сотовая, из пшенички, угостил нас – святынькой разговеться. И стали про божественное слушать. Клавнюша с Саней про светлую пустыню сказывали, про пастырей и волхвов-мудрецов, которые все звёзды сосчитали, и как Ангелы пели пастырям, а Звезда стояла над ними и тоже слушала ангельскую песнь.

Горкин и говорит, – будто он слышал, как отец давеча обласкал Клавнюшу с Саней:

– Ах вы, ласковые... Божьи люди!..

А Клавнюша опять сказал, как у бассейны:

– Все Божии.

Из романа «Лето Господне». 1927–1948

К. В. Лукашевич.

Рождественский праздник

Далёкий Рождественский сочельник. Морозный день. Из окон видно, как белый пушистый снег покрыл улицы, крыши домов и деревья. Ранние сумерки. Небо синеет.

Мы с Лидой стоим у окна и смотрим на небо.

– Няня, скоро придет звезда? – спрашиваю я.

– Скоро, скоро, – торопливо отвечает старушка. Она накрывает на стол.

– Няня, смотри, вон уже звезда пришла на небо, – радостно говорит Лида.

– Эта не та.

– Почему не та? Посмотри хорошенько.

– Та будет побольше... Эта очень маленькая, – говорит няня, едва взглянув в окно.

– Ты сказала до первой звезды, – плаксиво замечает сестра.

– Ведь мы проголодались. Очень есть хочется, – говорю я.

– Подождите, детушки... Теперь уже скоро... Потерпите.

– Дай ты им чего-нибудь перекусить... Совсем заморила девочек. – Мама услышала наш разговор, вышла из своей комнаты и крепко целует нас.

– Вот ещё, что выдумала!.. Разве можно есть до звезды?

Целый день постились. И вдруг не дотерпеть. Грешно ведь, — серьёзно возражает няня. Нам тоже кажется, что это грешно. Ведь у нас будет «кутья». Надо её дожидаться. Взрослые целый день постились и не едят до звезды. Мы тоже решили поститься, как и большие... Но сильно проголодались и нетерпеливо повторяем: «Ах, скорее бы, скорее пришла звезда».

Няня и мама накрыли стол чистой скатертью и под скатерть положили сено... Нам это очень нравится. Мы знаем, что это делается в воспоминание величайшего события: Господь наш родился в пещере и был положен в ясли на сено.

Мы не обедали, как обычно, в три часа, а будем ужинать «со звездой», то есть когда стемнеет и на небе загорятся первые звёздочки. У нас будет «кутья» из рису, «кутья» из орехов, пшеница с мёдом и разные постные кушанья из рыбы. Кроме того, на столе поставят в банках пучки колосьев пшеницы и овса. Всё это казалось нам, детям, важным и знаменательным. В нашей квартире так было чисто прибрано, всюду горели лампы; настроение было благоговейное, и целый день поста, и эта «кутья» раз в году — всё говорило о наступлении великого праздника... Няня, конечно, не раз напоминала нам, что «Волхвы принесли Божественному младенцу ладан, смирну, золото и пшеницу». Оттого в Сочельник надо есть пшеницу.

Папа наш был малоросс, и многие обряды совершались в угоду ему. Где-то далеко в маленьком хуторе Полтавской губернии жила его мать с сестрой и братом. И там они справ-

ляли свою украинскую вечерю и «кутью». Папа нам это рассказывал и очень любил этот обычай. Но в сером домике бабушки и дедушки тоже в Рождественский сочельник всегда справлялась «кутья»... Как у них, так и у нас непременно бывал в этот вечер приглашён какой-нибудь одинокий гость или гостья: дедушкин сослуживец или папин товарищ, которому негде было встретить праздник. Справив «кутью», мы отправлялись ко Всенощной. Но мы с сестрой в волнении: ждём чего-то необычайного, радостного. Да и как не волноваться: ведь наступило Рождество. Может быть, будет ёлка... Какое детское сердце не забьётся радостью при этом воспоминании? Великий праздник Рождества, окружённый духовной поэзией, особенно понятен и близок ребёнку... Родился Божественный Младенец, и Ему хвала, слава и почести мира. Всё ликovalo и радовалось. И в память Святого Младенца в эти дни светлых воспоминаний все дети должны веселиться и радоваться. Это их день, праздник невинного, чистого детства...

А тут ещё является она – зелёная стройная ёлочка, с которой сохранилось столько легенд и воспоминаний... Привет тебе, милая любимая ёлочка!.. Ты несёшь нам среди зимы смолистый запах лесов и, залитая огоньками, радуешь детские взоры, как по древней легенде обрадовала Божественные очи Святого Младенца. У нас в семье был обычай к большим праздникам делать друг другу подарки, сюрпризы, неожиданно порадовать, повеселить... Все потихоньку гото-

вили свои рукоделия, мы учили стихи; под Новый год и на Пасху под салфетки каждому клали приготовленные подарки... Нас, детей, это очень занимало и радовало. Подарки бывали простые, дешёвые, но вызывали большой восторг.

Ёлку показывали неожиданно, сюрпризом, и родители, няня и тётушки готовили её, когда мы ложились спать.

За два или за три дня до Рождества мама печально говорила: «Бедные девочки, нынче им ёлки не будет... Денег у нас с папой нет. Да и ёлки дороги. В будущем году мы вам сделаем большую хорошую ёлку. А нынче уж проживем без ёлки». Против таких слов ничего нельзя было возразить... Но в огорчённой детской душе всё-таки таилась и обида, и смутная надежда. Веришь и не веришь словам мамы и близких.

В первый день Рождества сколько счастливых детских голов поднимается ото сна с радостной грёзой, в которой мерещится хвойное деревце, сколько наивных ожиданий наполняет детское воображение... И как весело, заманчиво мечтать о золотой рождественской звезде, о какой-нибудь кукле, барабане, ярких огоньках на ветвях любимого деревца. У всех детей столько мечтаний, желаний, столько надежд связано с праздником Рождества.

– Лида, Лида, понюхай, ведь ёлкой пахнет, – говорю я, просыпаясь в рождественское утро в самом весёлом расположении духа. Румяное, полное лицо сестры отрывается от подушки. Она уморительно морщит свой маленький нос.

– Да, пахнет... Правда... Как будто бы пахнет.

– А как же говорили, что ёлки не будет в этом году!

– Может, и будет. В прошлом году тоже сказали: не будет.

А потом всё было, – вспоминает сестра. Няня уже тут как тут.

– Нянечка, отчего ёлкой пахнет? – серьёзно спрашиваю я.

– Откуда ей пахнуть... Когда её и в помине-то нет... Вставайте, барышни-сударышни. Сейчас «христославы» придут...

– Это дедушкины мальчишки?

– Наверно, со звездой. Дедушка им красивую склеил.

– Конечно, наш забавник старался для своих ребят... Была я у них, весь пол в кабинете замусорен, точно золотом залит... А звезда горит, переливается... Вот увидите, что это за звезда.

В то далёкое время был обычай «христославам» ходить по квартирам «со звездой» и петь рождественские песни. Обыкновенно в каждом доме собиралась местная беднота: мальчишки-подростки выучивали рождественские песни, делали звезду и шли по квартирам славить Христа. Не успеешь одеться, умыться, как, бывало, няня скажет: «Пришли со звездой». Слышим топот детских ног и партия человек шесть-десять войдёт в комнату. Мальчишки встанут перед образами и запоют «Рождество Твоё» и «Дева днесь»... Затем громко поздравят с праздником. Иногда это пение выходило очень стройно и красиво. Было что-то трогательное и празд-

ничное в появлении «христославов». Мы с сестрой очень это любили, радовались и с нетерпением ожидали их прихода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.